

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ (Представляем работы молодых исследователей)

АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ БЛОХИН

студент бакалавриата факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: blokhin.aleksei@gmail.com

«Противостояние» ценностной нейтральности в социологии как утопическая практика

Рассматривается логика аргументации «за» ценностно-ангажированную социологию представителей трех направлений социологической мысли: американских социологов-теоретиков конфликта, Франкфуртской школы и STS (science and technology studies). Американские теоретики конфликта являлись проponentами активного вовлечения социологии в практики изменения общества, представители STS считали, что социология не может быть ценностно-нейтральной, а теоретики Франкфуртской школы поддерживали обе позиции. Вводится термин «утопическая практика» с целью понять эпистемологические и аксиологические отношения между теорией, научной и гражданской активностью и утопией как методом исследования и предпосылкой изменения мира. Проводится различие между социологической и социетальной утопиями: первая представляет собой образ идеальной социологии, вторая — образ идеального общества. Утверждается, что бесконечный кризис социологии есть кризис ее самоопределения, поскольку социология не может найти язык, чтобы связать гражданский активизм и научные практики.

Ключевые слова: ценностная нейтральность, утопия, утопические практики, аксиология социологии, эпистемология социологии.

В американской академической социологии 1960-х годов можно наблюдать попытки аргументировать отход от «value-neutral» социологии к социологии, настроенной критически к современному обществу и направленной на изменение жизни тех или иных социальных групп. Практики и мышление американских социологов того периода мы предлагаем называть утопическими, основываясь на работах Р. Левитас и К. Манхейма. У Левитас утопия представляет собой «образ (outline) общества, который рассматривается как желаемый» (Levitas, 1979: 22). В свою очередь,

в классическом труде К. Манхейма «Идеология и утопия» утопия понимается как «трансцендентная по отношению к действительности ориентация, которая, переходя в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей» (Манхейм, 1994: 146). В данном тексте мы будем использовать определение Левитас; то, что Мангейм называет утопией, мы назовем «утопической практикой», т. е. деятельностью по воплощению утопии или ее частей в жизнь. Учитывая поле нашего исследования, оправданным представляется расширение категории утопии до образа общества или той, или иной его части, например социального института или социальной группы.

Нам хотелось бы рассмотреть теоретические основания ангажированной социологии, то есть ответить на вопрос, почему представители тех или иных направлений социологии считают, что ценностно нагруженная наука имеет право на существование.

Ангажированность социологии, конечно, не единственная проблема, приведшая к современному кризисному состоянию науки. Штомпка (Sztompka, 2011), выступая против тенденции к расширению границ в современной социологии, говорит о присутствии идеологии, направленной против западной социологической традиции. Он достаточно остро ставит вопрос о доминировании идеологии в социологии и утверждает, что анти-оксиденталистская идеология может негативно повлиять на социологию, приведя к искусственно созданному доминированию «индигенных» социологий, не имеющих преимуществ перед «евроамериканской», кроме своего незападного происхождения. Острая статья Штомпки возвращает нас к необходимости обсуждения роли ценностей и идеологий в социологии для приближения к более обширной и многогранной самоидентификации социологии и, наконец, определения того, какую роль она сама должна играть в мире.

Социология «вне» идеологии?

Считается, что социология зародилась и долгое время развивалась как наука, находящаяся вне идеологии. Достаточно распространенным является утверждение, согласно которому позитивистские подходы Конта и Дюркгейма, а также веберовская и зиммелевская программы развития социологии исключали выражение мнения социолога по поводу той или иной социальной проблемы.

Тем не менее Конт, Вебер и другие классики социологии позволяли себе делать оценочные суждения и размещать их в своих научных текстах. Дело не только в так называемой «третьей стадии» исторического развития, в которой Конт перешел к конструированию «религии человечества»: в своем программном тексте, «Курсе позитивной философии», он формулирует утопию в духе Сен-Симона и определяет социологию как один из инструментов реализации этой утопии. Дюркгейм в «Самоубийстве» утверждает, что «самоубийство <...> оскорбляет нравственное чувство» (Дюркгейм, 1994: 194), и, для борьбы с самоубийствами, предлагает «установить <...> моральные наказания» для самоубийц и пытавшихся свести счеты с жизнью (там же: 195) и предлагает вполне сенсимонистское решение — «организовать <...> пучок коллективных сил», профессиональных групп» (там же: 199–200), которые могли бы служить «моральной средой» для людей и, тем самым, уменьшать уровень аномии в обществе. Вебер, чья социологическая программа воспринимается как свободная от этических суждений, имел двойное мнение по поводу обсуждаемого

вопроса. С одной стороны, им постулируется отсутствие возможности объективной социологии, но предписывается стремление к ней (Вебер, 1980: 110–146). С другой стороны, как отмечает Льюис Козер, Вебер утверждал возможность элиминации ценностных установок ученого посредством проверки фактами; впрочем, Вебер оговаривается, что сам выбор темы исследования всегда является вопросом этических позиций ученого (Козер, 2006: 75). Кроме того, Вебер периодически артикулировал свое отношение к описываемым и объясняемым им явлениям; на этом базируется одна из интерпретаций его социологического наследия. Важно, что Вебера и других «отцов-основателей» социологии как отдельной науки обычно воспринимают как апологетов «свободной от этических суждений» (выражение Вебера) социологии.

Как позитивистская, так и, с известными оговорками, веберовская программы социальной науки предписывают эмпирическую проверку теории по заданным правилам, которые элиминируют этические и политические установки исследователя. После определения и сбора фактического материала наступает момент интерпретации полученных данных, который не воспринимается как политический или идеологический: так, внимание позитивистов концентрируется на технической, а не этической компоненте анализа эмпирического материала.

Кроме того, сторонники «свободного от ценностных оценок» подхода апеллируют к научной этике, далекой от социальной или иной критики. Послание У. Огборна, президента Американского социологического общества, одной фразой выражает идеологию такого рода «научной социологии»: «социология как наука не заинтересована в улучшении мира» (Ogburn, 1930). Огборн не выступает против политического активизма; он, следуя веберовской традиции, предлагает разделять активизм и науку, а также деятельность публичных интеллектуалов и социологию.

Т. Парсонс, главный теоретик структурно-функционалистской парадигмы в социологии, также выступал против ангажированности социологии. В «Теории социального действия» Парсонс заявляет (Parsons, 1949: 594), что «вопрос о том, правдив ли факт, принципиально отличается от вопроса об его ценностной значимости» и «как только феномен описан, установление каузальных связей между ним и его антецедентами или последствиями возможно только посредством применения формальной схемы доказательства, независимой от любых ценностных систем, помимо ценности научной истины». Здесь Парсонс предельно четко выражает свою позицию: социология должна быть свободной от ценностных суждений, и, более того, она может быть такой, если исследователь будет непредвзято относиться к своему исследованию. Такая позиция Парсонса затем была раскритикована Э. Гоулднером, считавшим, что структурный функционализм опирается на консервативную идеологию.

Идеи Огборна и, в большей степени, Парсонса были широко распространены в американской социологии и остаются популярными по сей день. Тем не менее, в социологии существует и другая точка зрения на ценностно-нейтральную науку.

США: изменить социологию, чтобы она изменила мир

Многие теоретические установки Парсонса, и в особенности отрицание им и его последователями необходимости этических суждений в социологии, были оспорены американскими социологами 1960-х гг. Движение, выступавшее за превращение социологии в дискурс, привлекающий общественное внимание к тем или иным

проблемам, имел своим результатом масштабные дебаты, продолжавшиеся больше десятилетия. Дискуссия способствовала появлению нескольких работ, ставших классикой социологии.

Основы американского движения за преобразование социологии в активность, более толерантную к высказыванию исследователями собственного мнения, были установлены Ч. Р. Миллсом. Основная мысль Миллса состоит в том, что ученым следует брать в свои руки политические последствия своих исследований.

Р. Миллс утверждает, что «каждый обществовед всегда придерживается определенных ценностей, что косвенно отражается в его работе» (Миллс, 2001: 202). Высказывая моральное суждение, ученый пытается сделать эти ценности доступными для других. Здесь важна логика просвещения, характерная для Р. Миллса: социолог обладает особым навыком, «социологическим воображением», которое позволяет ему связывать частные проблемы со структурными проблемами. Ему необходимо делать свои наблюдения публичными, чтобы не обладающие социологическим воображением обыватели могли глубже понимать свои проблемы и высказывать недовольство на более высоком уровне абстракции, и, таким образом, требовать структурных, а не точечных изменений.

Р. Миллс выделяет три «ведущих политических идеала», которые характерны для общественной науки. Первый идеал — «ценность истины, факта». Эта ценность политическая из-за того, что в мире, где «бытует так много бессмыслицы», высказывание фактических суждений есть выражение политической и моральной позиции, и, таким образом, сама работа ученого есть проведение «политики истины». Второй идеал — ценность разума, которая выражается в значимости для развития общества исследователя, выявляющего факты и открывающего истины. У исследования, по Р. Миллсу, есть потенциал обладать существенной важностью для жизни людей. Третья ценность — свобода. Миллс признает неоднозначность возможных интерпретаций понятия «свобода», но настаивает на важности отстаивания этого идеала, призывая к уточнению терминов «свобода» и «разум».

Обществоведы играют роль проводников разума в социальную жизнь. И, если разуму суждено победить, то социологи должны играть в этой победе определяющую роль, поскольку их исследовательская практика состоит в использовании разума для понимания людей.

Миллс критически описывает современную ему политическую ситуацию: «люди разума» не влияют на политику, поскольку лидеры двухпартийной системы к ним не прислушиваются, действуя в своих интересах. Интеллигенция не предлагает альтернативной политической повестки. Социологи в этом отношении не отличаются от остальных интеллектуалов: «в решении структурных проблем общества... [обществовед имеет] примерно те же шансы, какими располагает простой гражданин». Обществоведа от «простого гражданина» отличает возможность «выйти за пределы повседневности» и рассмотреть общественные проблемы с более высокого уровня абстракции, находя порой неожиданные взаимосвязи между общим и частным. Программа поведения для социолога в таком случае состоит в постоянном просвещении людей посредством «перевода личных трудностей на язык общественных проблем», а также в прояснении важности общественных проблем для жизни отдельного человека. Подобные практики, по Миллсу, должны привести к торжеству демократии, разума и свободы.

Одним из представителей движения за социологию, вовлеченную в политику, был Э. Гоулднер. Гоулднер начинал свою социологическую карьеру, находясь

под влиянием структурного функционализма, но постепенно отошел от этой парадигмы, став одним из ее критиков. Самая известная работа Гоулднера — «Наступающий кризис западной социологии» (1970), в которой он обрисовывает грядущую конвергенцию структурного функционализма и марксизма, а также выполняет ряд иных задач, среди которых — систематическая критика концепции Парсонса, описание программы «рефлексивной социологии» и объяснение механизмов взаимодействия общества всеобщего благосостояния и социологов, которые используются государством в целях корректировки своих действий.

В статье, провокационно озаглавленной «Анти-Минотавр: миф ценностно-нейтральной социологии» (Gouldner, 1962), Гоулднер отходит от рассмотрения логических недостатков «догмы ценностно-нейтральной социологии» к проведению социологического объяснения этой позиции, предлагая рассматривать социологов так, как они рассматривают шахтеров или водителей такси. «Миф ценностно-нейтральной социологии» используется из-за его полезности: он сохраняет единство социологов и автономию университетов. Исследуя происхождение веберовской концепции ценностной нейтральности, Гоулднер замечает, что она была обусловлена зависимостью карьерного продвижения профессора от его популярности как преподавателя, что приводило к «конкуренции за студентов», в которой профессора, открыто высказывавшие этические суждения, имели преимущество. С помощью доктрины недопущения этических суждений Вебер пытался устранить несправедливое конкурентное преимущество одних профессоров над другими. Гоулднер не соглашается с тем, что веберовские аргументы работают в современном ему американском обществе, поскольку «возможно, нашему университету и обществу в целом необходимо больше вовлеченности в политику, больше разнообразия в политических взглядах». Эта необходимость основана на положении дел в мире, в котором есть риск применения ядерного оружия: с помощью большей политической вовлеченности появляется больше возможностей найти способ предотвращения войны. И, конечно, в этом отношении важные советы интеллектуалов, занимающихся социальными науками. Доктрина неангажированности выступала, по Гоулднеру, в качестве оправдания для продажи знаний и талантов социолога тому, кто больше даст, вне зависимости от моральных предпочтений. Кроме того, многие социологи, по Гоулднеру, чувствуют себя отчужденными от общества, в котором они живут, поскольку, огородившись в возведенных ими самими «интеллектуальных гетто», они не могут вносить свой вклад в жизнь этого общества. Еще один аргумент, который вводит Гоулднер, представляет собой сформулированную в новом свете традиционную апелляцию к естественным наукам: «До того, как случилась Хиросима, физики тоже заявляли, что их дело — ценностно-нейтральная наука; сейчас многие из них не уверены в этом». Гоулднер говорит о возможности создания социальных технологий, которые, хотя и не станут «социологическими атомными бомбами», но смогут влиять на мир, людей и общество, и не всегда это влияние будет положительным и мирным.

Каждая социальная теория, по Гоулднеру (Гоулднер, 2003: 75), основывается на индивидуальном опыте теоретика. Теории могут быть направлены на принятие мира или на его изменение; среди прочих факторов, это зависит от ценностных установок, усвоенных теоретиком до прихода в социологию. Любые социологические объяснения предполагают «определенные психологические предпосылки», своего рода

«инфраструктуру» теории, которая определяет политическую модальность теории. Рассматривая эти предпосылки, Гоулднер замечает, что Парсонс и его последователи обеспечивают базу для критики общества, но эта критика может быть только критикой отдельных частей, а не всей системы, «критикой изнутри».

Другой американский социолог, Х. Беккер (Becker, 1967), принимает более радикальную позицию и принципиально отрицает возможность нейтральности в социологии. По Беккеру, социолог принимает точку зрения либо подчиненных, либо доминантных групп (*subordinates and superordinates*). Зачастую социологи просто не задумываются о том, что у господствующей точки зрения могут быть альтернативы, и принимают ситуацию «как есть», что, на самом деле, также является предвзятостью, пусть и неосознанной. Затем Беккер коротко описывает свое видение структуры общества: «у каждого есть кто-то, кто находится над ним в социальной иерархии», что приводит к расширению бинарной оппозиции «подчиненные/доминирующие» до бесконечных пределов. Беккер поясняет свою мысль на примере исследования тюрем: сначала социологи берут интервью у заключенных, которые оказываются недовольны условиями содержания. Затем, чтобы не быть предвзятыми, социологи идут к начальнику тюрьмы и обслуживающему персоналу, которые заинтересованы в улучшении условий содержания заключенных, но им не дают это сделать законы и вышестоящие официальные лица. Затем социологи публикуют результаты и получают обвинения в предвзятости от официальных лиц, которые критикуются сотрудниками тюрьмы: «вы не посмотрели на ситуацию с *нашей* перспективы». Если дополнить исследование интервью с этими официальными лицами, окажется, что они также кем-то ограничены в своих действиях и многое от них не зависит, и они, в свою очередь, обвиняют кого-то в том, *в чем их обвиняют те, которых обвиняет первая группа подчиненных* (заключенные). Попытки раскрутить этот клубок и тем самым отвергнуть все возможные обвинения в предвзятости бессмысленны, поскольку каждый вышестоящий член иерархии будет обвинять того, кто находится выше него. Выйти на самый верх невозможно — его не существует: современное общество комплексно и характеризуется взаимозависимостью акторов. Сбалансированную картину добыть невозможно, если только не изучать все общество одновременно.

Нам представляется особенно важным тот факт, что предложения описанных выше американских социологов и их последователей были направлены на изменения в первую очередь в социологии, а не в обществе. Общественная утопия у этих авторов — лишь потенциальный проект, по поводу которого еще необходимо вести дискуссии в обществоведческой среде; дело в том, чтобы «подготовить» эту среду, которая, скрываясь за забором ценностной нейтральности, сковывает себя и свой реформистский или революционный потенциал. Прежде чем освободить мир, социология должна освободить себя — таково основное направление мыслей Миллса и его последователей.

Одной из причин такого рода «двухступенчатой» утопии может быть восприятие теоретиками конфликта себя как таких же социологов, как представителей структурного функционализма. Отсутствие желания видеть себя «вне» мейнстрим-социологии определяет нахождение Гоулднером тенденций к сближению марксизма и структурного функционализма, которые, объединив свой аналитический и критический потенциал, должны создать гибрид, имеющий возможности больше влиять на общество.

Франкфуртская школа

Главные теоретики франкфуртской школы Хоркхаймер, Адорно, Фромм видели в национал-социализме не выходящий из логики модерна сумасшедший проект, а логичное продолжение модернистских идей. Модерн предельно диалектичен: свобода переходит в тиранию, освобождение — в закрепощение, просвещение — в отупление, а развитие модернистского проекта заканчивается его саморазрушением.

Хоркхаймер, основатель и теоретический лидер Франкфуртской школы, в начале 1930-х гг. разрабатывает концепты «традиционной» и «критической» теорий, описывая свое видение истории идей модерна и предлагая новую программу социальной философии. «Традиционная теория», которой противопоставляется критическая теория, имеет три важных отличительных черты, которые трансформируются в рамках критической теории (Давыдов, 1977, с. 49). Во-первых, традиционная теория «позитивна», то есть фиксирует «положение дел, как оно складывается в реальности буржуазного мира», во-вторых — проникнута утилитарной логикой, то есть направлена на применение получаемого знания для устранения несовершенств системы. Из утилитаризма возникает третья черта — уверенность в себе, отсутствие самокритичности. В свою очередь, критическая теория отрицает (или, если быть точным, релятивизирует) существующее разделение индивида и общества и данность текущего субъектно-объектного положения. Она, в отличие от традиционной теории, не собирается использовать результаты познания для улучшения общества, скорее ей присуща критика с целью доказательства упадка современной общественной системы. Описываемой Хоркхаймером «самоуверенности» традиционной теории франкфуртцы противопоставляют постоянный поиск своих собственных ценностных и теоретических оснований и внимательное их изучение.

Острая критика модерна, Просвещения и капитализма занимает огромное место в наследии Франкфуртской школы, и во многом резко отличает ее от других направлений общественно-философской мысли: демонизация капитализма во всех его проявлениях — одна из особенностей фирменного стиля франкфуртцев. Очевидно, что такая ангажированность аргументировалась. Можно выделить две линии аргументации, которые мы назовем «линия инструментального разума» и «линия социальной обусловленности».

Инструментальная рациональность — форма мышления, направленная на решение поставленных проблем. Представители Франкфуртской школы посвятили несколько работ критике инструментального разума, и, как нам кажется, их позиция по этому вопросу может прояснить некоторые вопросы, связанные с научной объективностью. Хабермас, представитель «второго поколения» Франкфуртской школы, рассматривая позицию Адорно и Хоркхаймера по вопросу инструментальной рациональности, отмечает, что взгляды первых проponentов критической теории формировались под воздействием лукачевской критики Маркса: «по мере роста уровня самосознания в научном познании <...> наука принимает на себя идеологическую роль» (Habermas, 1984: 367). Но едва ли можно сказать, что эта роль «освободительная» — скорее, наука и технология, в марксистской терминологии — производительные силы, «соединяются с производственными отношениями и теряют свою возможность разрушать систему». В то время как растущий уровень рационализации уже не ограничивается подчинением природы и направлен на закрепощение человека. Опасность инструментального разума — в сведении мышления к бессубъектной

алгоритмичности. Такое мышление не в состоянии сделать этический выбор, то есть определить, какая цель достойна стремления к ней: по словам исследователя творческого наследия Хоркхаймера И. Михайлова, «новым авторитетом стала наука <...> [которая] не может верифицировать утверждение, что свобода и справедливость “лучше”, чем несправедливость и угнетение» (Михайлов, 2010: 100). Тогда инструментальная рациональность, характерная для естественных наук и для социальных наук, даже не использующих естественно-научные методы, есть способ внедрения потенциально революционных элементов в систему с целью их поглощения; следовательно, одна из основных целей критической теории для сохранения ее «самости» — отказ от инкорпорации в капиталистические производственные отношения, что подразумевает верность выбранным утопическим системам и отказ от внедрения их в капиталистическую; этот отказ, естественно, подразумевает необходимость высказывания этических суждений.

Линия социальной обусловленности во многом определяет глубокое отличие франкфуртской школы от многих других направлений социальной философии. Франкфуртцы утверждают, что любые теории об обществе социально обусловлены, потому в той или иной степени ложны; критическая теория, в отличие от других теорий, не знающих или не придающих большого значения своей зависимости от социального мира, понимает свою социальную обусловленность и, по выражению Ю. Давыдова, «строит свое здание, исходя из этого знания» (Давыдов, 1977: 19). Сама критическая теория является политическим действием; другие социологические теории также обладают политической валентностью, хотя и зачастую поддерживают существующую систему. Кроме того, в своей критике эмпирической методологии Адорно утверждает, что социологический сциентизм идеологичен: устанавливая факты, социолог постулирует текущую форму существования мира как «научно проверенную действительность», подкрепляя и поддерживая существующее состояние системы. Общество, по Адорно, пронизано субъективизмом, и ученый, рассматривающий истину как «остаток», создающийся независимым исследователем после отделения фактических «зерен» от субъективных «плевел», не может познать общество из-за его (общества) субъективизма, частью которого является субъективизм исследователя (там же: 174).

Франкфуртская школа с самого начала старалась провести границы между собой и другими подходами. Название программного текста Хоркхаймера — «Традиционная и критическая теории» — показывает, что франкфуртцы не стремились к революции в науке.

«Онтологическая политика»

То, что мы назвали «линией социальной обусловленности» в представлении Франкфуртской школы, любопытным образом переплетается с современными исследованиями в области социологии науки и STS (Science and technology studies). Радикальный конструкционизм и этнометодологическое изучение повседневных разговоров в лабораториях позволяют сторонникам STS выдвигать теории, описывающие научные практики, и, во многом, революционизировать представления о том, как работает наука. На данный момент развивается теория онтологической политики. Мол (Mol, 1999), первая использовавшая термин «онтологическая поли-

тика», утверждает, что реальность многосоставна (multiple), поскольку реальность локализована материально, культурно и исторически. Так, по Мол, лаборатории являются местами, где формируются новые способы создания реальностей (doing reality); затем из лабораторий эти реальности «экспортируются» в мир за пределами лаборатории в виде различных материальных средств: телефонов, вакцин и пр., то есть в виде объектов, переносящих с собой новые реальности и новые онтологии. Мол дает пример трех восприятий анемии (малокровия): клиническое (анемия как совокупность некоторых видимых симптомов), лабораторное (анемия как уровень гемоглобина в крови), патопсихологическое (анемия как уровень, достаточный для отдельного человека для транспортировки необходимого количества кислорода по телу). Понятно, что возможность нескольких восприятий одного и того же явления характерна не только для медицины или науки и технологии вообще, но и для повседневных явлений, с которыми сталкивается социология. То есть существует выбор между различными вариантами видения объекта, между тем, что мы называем реальным, а что оставляем без внимания. Это даже не всегда выбор различных людей: человек может «активировать» то или иное видение объекта в зависимости от ситуации. Этот выбор продиктован различными причинами, среди которых могут быть и политические. Подобный выбор и называется онтологической политикой.

Достаточно очевидно, как концепция онтологической политики взаимодействует с идеей о свободе от ценностных суждений в социологии. Ценностная нейтральность здесь «улетучивается», зачастую неосознанно для исследователя, во-первых, в момент выбора объекта исследования; во-вторых, во время непосредственного отбора данных для исследования и, в-третьих, при описании и представлении проведенного исследования и его результатов. Те или иные стороны изучаемого объекта, которые в определенный момент научной деятельности делаются «реальными», идеологичны уже в том, что их предпочли другим, «репрессированным» по тем или иным причинам элементам.

Линии аргументации

В рассмотренных нами работах можно обнаружить две линии аргументации. Первая линия приводит доводы к суждению, что социологии *не следует* быть свободной от этических суждений. Вторая линия аргументирует мысль о том, что социология *не может* не быть ангажированной.

Первая линия аргументации, несмотря на различия в языке и в теоретических и внеэпистемологических предпосылках, схожа и у Франкфуртской школы, и у Миллса и его последователей. Социология должна быть, по выражению Хоркхаймера, «эмансипаторной» наукой, потому что она может указать на имеющиеся проблемы, вдохновить на изменение общества (революционное у марксистских теоретиков, с помощью реформ у американских теоретиков) те или иные социальные группы, и, в конечном счете, указать человечеству путь к свободе. Наличие работы утопического мышления здесь очевидно: чтобы проложить куда-то дорогу, необходимо знать, куда она ведет. Не совсем определенные, навеянные, скорее, отрицанием существующего общества и его пороков, а не абстрактным и независимым от текущей реальности видением желаемого (идеального) мира, утопические представления есть и у немецких, и у американских теоретиков; и те, и другие исходят из

марксистской трактовки конфликта между классами и видят проблемы современного им общества через призму своей ценностной ориентации. В этом смысле утопия становится методом социального познания, способом воображаемого реконструирования общества для уяснения проблем, сдерживающих его развитие.

Если первая линия аргументации относится к аксиологии социологии, то вторая — к социологической эпистемологии. Ее направленность на описание того, что *есть*, а не как *должно быть*, предполагает другую языковую игру. Аргумент Франкфуртской школы о социальном конструировании любых теорий, замечания Миллса, Гоулднера и Беккера о «неявно присутствующих» в любом исследовании ценностях, «инфраструктуре» социальной теории и неизбежном принятии исследователем точки зрения одной из вовлеченных сторон, веберовское понимание ценностно-инспирированного выбора предмета исследования и развивающий идею Вебера концепт «онтологической политики» Мол и Ло, находятся в ином семантическом пространстве, которое исключает прямую имплементацию утопии и логики утопического мышления. Подобная аргументация, осознанно или нет, направлена на преобразование социальной науки путем доказательства невозможности идеологически свободной социологии, что открывает доступ к построению утопической методологии и к утопической практике — практике изменения общества с помощью социологического знания.

Другой возможный анализ представленных линий аргументации возможен с точки зрения разделения утопии на социетальную и социологическую. Здесь становится важно, какой акцент ставят авторы теорий. Как уже замечалось выше, представители американской социологии, выступавшие за ее политическую ангажированность, направляли свою работу именно социологам, поскольку социология может и должна изменять мир. В свою очередь, франкфуртцы явно ставили революцию в обществе выше революции в социологии, в том числе и из-за того, что социология — продукт Просвещения и буржуазной идеологии. «Другая социология возможна, и сейчас мы ее покажем» — примерно такими словами можно выразить социологическое кредо Франкфуртской школы. Декларируемое преимущество критической теории над «традиционной» в ряде важных для франкфуртцев аспектов (в первую очередь, в области рефлексии) обеспечивало представителям критической теории легитимацию для отсутствия утопической практики внутри социологии, потому франкфуртцы не писали разного рода воззваний к социологами — представителям других направлений. В свою очередь, последователей Миллса можно категоризировать именно как практических утопистов в области социологии. Разобщенность американской социологии и отсутствие широкого академического признания мешало рассмотренным выше американским теоретикам приступать к общественным изменениям. Был избран путь переобустройства социологии.

В некотором смысле Гоулднер и его соратники преуспели в этом деле. Современная социология есть левая социология, идеологичная в постановке и решении проблем, ангажированная в своих описаниях и критическом пафосе. Представления о ценностной нейтральности социологии не кажутся незбылемыми, а, скорее, наоборот, ушедшими или постепенно уходящими в историю. Хотя на данный момент не является оправданным риторически вопрошать «Кто сейчас читает Парсонса?», но вопрос «кто сейчас следует научной этике в социологии?» может быть задан — и едва ли получится дать на него ясный ответ.

Проблема такого дрейфа социологии в сторону ангажированности в том, что она не меняет мир и не имеет четкого потенциала начать делать это в ближайшее

время. Инициативы Буравого по поддержке «индигенных социологий» работают исключительно для академического мира, уменьшая неравенство в отдельной, довольно небольшой, части социальной структуры развивающихся стран. Современный кризис социологии представляется кризисом самоопределения: социология не стала наукой, но и не стала видом политического активизма, заняв промежуточное положение между этими двумя видами деятельности и сохраняя не совсем комплементарные признаки научных и активистских практик.

Наше исследование неполно, однако мы можем наметить контур перспективных исследований в этой области. Возможно, интересными и полезными могут оказаться исследования утопических практик социологов с более четким определением этого понятия и его границ, причин различий американских и франкфуртских теоретиков в доминирующем векторе их критики, а также более подробное и систематичное изложение различных точек зрения по вопросу ценностной нейтральности в социальных науках.

Литература

- Adorno T.* Education after Auschwitz. Critical models: Interventions and catchwords, 1998. P. 191–204.
- Barreto J. M.* Ethics of Emotions as Ethics of Human Rights: A Jurisprudence of Sympathy in Adorno, Horkheimer and Rorty // *Law and Critique*. 2006. Vol. 17 (1). P. 73–106.
- Becker H. S.* Whose side are we on? Social problems. 1967. P. 239–247.
- Dahrendorf R.* Out of utopia: Toward a reorientation of sociological analysis // *American Journal of Sociology*. 1958. Vol. 64 (2). P. 115–127.
- Gouldner A. W.* Anti-Minotaur: The myth of a value-free sociology // *Social problems*. 1962. Vol. 9. P. 199–213.
- Habermas J.* The theory of communicative action: Vol. 1. Reason and the rationalization of society. Boston: Beacon Press, 1984.
- Levitas R.* Sociology and utopia. *Sociology*. 1979. Vol. 13 (1). P. 19–33.
- Mol A.* Ontological politics. A word and some questions // *The Sociological Review*. 1999. Vol. 47 (S.1). P. 74–89.
- Ogburn W. F.* The folkways of a scientific sociology. Publications of the American Sociological Society. 1930. Vol. 24. P. 1–11.
- Parsons T.* The Structure of Social Action. New York: Free Press, 1949.
- Sztompka P.* Another sociological utopia // *Contemporary Sociology: A Journal of Reviews*. 2011. Vol. 40 (4). P. 388–396.
- Вебер М.* Исследования по методологии науки. М.: Изд-во ИНИОН АН СССР, 1980. [*Veber M.* Issledovaniya po metodologii nauki. M.: Izd-vo INION AN SSSR, 1980].
- Голднер А. У.* Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003. [*Gouldner A. U.* Nastupayushchiy krizis zapadnoy sotsiologii. SPb.: Nauka, 2003].
- Давыдов Ю. Н.* Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М.: Наука, 1977. [*Davydov Yu. N.* Kritika sotsial'no-filosofskikh vozzreniy Frankfurtskoy shkoly. M.: Nauka, 1977].
- Дюркгейм Э.* Самоубийство: социальный этюд / пер. с фр., под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. [*Dyurkgeym E.* Samoubiystvo: sotsial'nyu etyud / per. s fr., pod red. V. A. Bazarova. M.: Mysl', 1994].
- Козер Л. А.* Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М.: 2006, Норма. [*Kozer L. A.* Mastera sotsiologicheskoy mysli. Idei v istoricheskom i sotsial'nom kontekste. M.: 2006, Norma].

Манхейм К. Идеология и утопия. М.: Юрист, 1994. [*Mannheim K.* Ideologiya i utopiya. M.: Yurist, 1994].

Миллс Ч. П. Социологическое воображение. М.: Изд. дом «NOTA BENE», 2001. [*Mills CH. R.* Sotsiologicheskoye voobrazheniye. M.: Izd. dom "NOTA BENE", 2001].

Михайлов И. А. Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Ч. 2: 1940–1973. М.: ИФ РАН, 2010. [*Mikhaylov I. A.* Maks Khorkkhaumer. Stanovleniye Frankfurtskoy shkoly sotsial'nykh issledovaniy. Ch. 2: 1940–1973. M.: IF RAN, 2010].

Сokolov М. Наступающий кризис социологического теоретизирования. Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2002. № 5. P. 2–7. [*Sokolov M.* Nastupayushchiy krizis sotsiologicheskogo teoretizirovaniya. Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoy zhizny'u peterburzhtsev. 2002. № 5. P. 2–7].

The Opposition to Value-Neutrality in Sociology as a Utopian Practice

ALEKSEI A. BLOKHIN

Faculty of Sociology, St Petersburg State University,
Undergraduate
St Petersburg, Russia;
e-mail: blokhin.aleksei@gmail.com

This paper examines the logic of argumentation for non-value-neutral sociology of three branches of sociological thought: American conflict theory sociologists, the Frankfurt school and STS (Science and Technology studies). We find that while American conflict theory sociologists argued for sociology to be active in changing society, STS theorists stated that sociology cannot be value-free, and Frankfurt schools theorists supported both aforementioned ideas. We introduce the term utopian practice in order to understand the epistemological and axiological relation among theory, scientific and civil activity, and utopia as a research method and a background for social change. We also draw a distinction between sociological and societal utopias, with the former being an outline of ideal sociology and the latter being an outline of ideal society. We argue that the endless crisis of sociology is mainly the crisis of identity, with sociology being unable to find a language to build a bridge between civil activity and scientific practices.

Keywords: value-neutrality, utopia, utopian practices, axiology of sociology, epistemology of sociology.